

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

История и философия науки: кандидатский экзамен — пробный вопрос

Один полный разбор из профильного раздела вашей группы — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 63 вопроса перечня: 21 по общим проблемам философии науки, 21 по философским проблемам социогуманитарного знания и 21 по разделу «Философия языка и история лингвистики».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.9 Филология

ПРОГРАММА

кандидатский экзамен по истории и философии науки

РАЗДЕЛ III · ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИКИ · ВОПРОС L01 · ДЕМО

Специфика философского подхода к языку

■ Вопрос вопросов

- философский подход к языку — не о правилах словоизменения, а о природе связи слова, вещи и говорящего;
- уже в платоновском «Кратиле» спор идёт не о грамматике, а о том, что вообще есть имя;
- Кратил: имя присуще вещи от природы, врождено и грекам, и варварам; Гермоген: имя — дело договора и обычая;
- Сократ выводит отсюда лингвистическую антиномию плана содержания и плана выражения и делает имя орудием познания сущности вещи.

■ Язык как деятельность, а не продукт

- В. фон Гумбольдт: «Язык есть не продукт деятельности (ergon), а деятельность (energeia). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим»;
- язык — не «мёртвый продукт» (Erzeugtes), а «созидающий процесс» (Erzeugung).

■ Соссюр: язык как предмет отдельной науки

- размежевание языка и речи отделяет социальное от индивидуального, существенное от случайного;
- «Язык есть не что иное, как система чистых значимостей»;
- отсюда — задача выделить особую науку о жизни знаков, семиологию.

■ Логико-семантический вариант у Фреге

- загадка тождества « $a = a$ » и « $a = b$ » рождает различие значения (предмета) и смысла (способа его данности);

- смысл — общее достояние языкового сообщества, представление же субъективно и принадлежит одному сознанию;
- предмет интереса — не узус, а условия объективности мысли.

■ Витгенштейн и Рассел

- «Границы моего языка означают границы моего мира»; задача — вскрыть логическую форму за грамматической;
- поздний Витгенштейн: «значение слова — это его употребление в языке»;
- Рассел: «Общие слова, даже имена собственные, обычно на самом деле являются дескрипциями».

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Вводный контекст

Языком занимается не только лингвистика. Грамматист описывает правила словоизменения и синтаксиса конкретного языка, а философ ставит совсем другой вопрос: что вообще есть язык, как слово связано с вещью и с говорящим, что делает высказывание осмысленным и истинным. Это различие между описанием устройства языка и вопросом о его природе проходит через всю историю мысли — от античного спора о происхождении имён до логического анализа языка в XX веке. Разобрать специфику философского подхода к языку значит показать, чем именно этот вопрос отличается от собственно лингвистического описания на конкретных исторических примерах.

■ Античный исток: спор об именах в платоновском «Кратиле»

Один из самых ранних и самых чистых образцов философского вопроса о языке — платоновский диалог «Кратил». Спор в нём ведётся не о правилах словоизменения греческого языка, а о том, что вообще есть имя и откуда берётся его правильность. Кратил настаивает, что имена присущи вещам изначально, по самой их природе: правильное имя врождено вещи так же, как врождено всем людям, и грекам, и варварам, одно и то же. Ему возражает Гермоген, занимающий противоположную позицию: правильность имени не может состоять ни в чём ином, кроме как в договоре и соглашении между людьми, поскольку никакое имя никому не врождено от природы, а принадлежит вещи лишь на основании закона и обычая.

Сократ не устраняет этот спор декларативным решением в пользу одной из сторон, а исследует его источник. За кажущимся противоречием Кратила и Гермогена скрывается собственно лингвистическая проблема — соотношение плана содержания и плана выражения: план выражения связан с планом содержания условной связью, при этом план выражения имеет иную структуру, чем план содержания, но оба они не могут существовать один без другого. Истинность имени Сократ выводит не из субъективного мнения говорящего, а из объективных свойств самой вещи: вещи сами по себе обладают некоей прочной сущностью безотносительно к человеку и независимо от него. Отсюда имя получает статус орудия — орудия поучения и разбора сущности, подобно тому как ткацкий челнок служит орудием разбора для ткани. А раз имя — орудие, оно требует мастера, способного вложить в звуки и слоги истинную природу вещи: такого мастера диалог называет законодателем, редчайшим среди всех прочих мастеров. Итог диалога снимает

кажущуюся противоположность исходных позиций: имена действительно присущи вещам от природы, но не всякий является мастером имён — лишь тот, кто способен разглядеть имя, от природы присущее каждой вещи, и вложить его образ в буквы и слоги. Так уже на первом историческом этапе философского анализа языка обозначается его специфика: вопрос не о правилах словоизменения, а о природе связи между словом, вещью и говорящим.

■ Гумбольдтовская оппозиция *ergon* и *energeia*

Следующий фундаментальный поворот в понимании специфики языка связан с именем Вильгельма фон Гумбольдта. Он формулирует различие языка как готового продукта и языка как непрерывной деятельности — оппозицию, которая станет центральной для всей последующей философии языка. По Гумбольдту, язык есть не продукт деятельности, а сама деятельность, и его истинное определение может быть поэтому только генетическим — рассматривающим язык не как застывшую вещь, а как постоянно совершающийся процесс. В другой формулировке Гумбольдт говорит о том же иначе: язык следует рассматривать не как мёртвый продукт, но как созидающий, творящий процесс. Понимание языка в качестве деятельности, а не готового изделия было качественно новым шагом в науке о языке: оно смещает сам предмет рассмотрения — с системы правил на постоянно воспроизводимый акт говорения.

Эта оппозиция важна не только сама по себе. Она задаёт критерий, по которому можно отличить философский взгляд на язык от чисто описательного: тот, кто рассматривает язык как готовую вещь, изучает его устройство; тот, кто рассматривает язык как деятельность, ставит вопрос о его происхождении, о постоянно обновляющемся акте, которым дух превращает членораздельный звук в выражение мысли. Именно в этом пункте гумбольдтовская мысль расходится с грамматическим описанием и становится специфически философской.

■ Соссюр: язык как предмет особой науки

Фердинанд де Соссюр подходит к специфике философского вопроса о языке с другой стороны — со стороны размежевания языка и речи. Чтобы язык вообще мог стать предметом строгого рассмотрения, его нужно методологически отделить от разнородной, случайной, индивидуальной речевой деятельности. Разделяя язык и речь, Соссюр тем самым отделяет социальное от индивидуального и существенное от побочного, более или менее случайного. Язык предстаёт как своего рода клад, откладываемый практикой речи во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, — грамматическая система, виртуально существующая у каждого в сознании, но в полной мере существующая лишь в коллективе в целом. Речь же, напротив, есть индивидуальный акт воли и разума отдельного говорящего.

Из этого размежевания Соссюр выводит определение языка как системы чистых значимостей, где ценность каждого элемента определяется не сама по себе, а его местом среди прочих элементов системы. А из этого определения он выводит необходимость самостоятельной науки, изучающей жизнь знаков в рамках жизни общества, — семиологии, частью которой оказывается сама лингвистика. Полвека спустя Дж. Р. Фёрс сформулирует идею автономии языкознания в ином, но родственном ключе: языкознание представляет собой группу технических приёмов для систематического опытного анализа языковых явлений, автономную в том смысле, что она необязательно имеет отправной пункт в другой

науке или дисциплине — будь то психология, социология или какая-либо школа метафизики. Обе позиции, сосюрсовское выделение языка в предмет особой науки и фёрсовское утверждение автономии лингвистики от философии, показывают одну и ту же черту: философский вопрос о природе языка требует прежде всего определить, чем язык является как таковой, прежде чем описывать его конкретное устройство.

■ Логико-семантический подход Фреге

Готлоб Фреге даёт пример другого, но не менее чёткого философского подхода к языку — логико-семантического. Его не интересует грамматика или узус естественного языка сами по себе: он ищет в языковом знаке условия объективности знания. Интерес Фреге рождается из чисто философской загадки: почему предложение « $a = a$ » тривиально, а предложение « $a = b$ » может нести новое знание, хотя оба, казалось бы, говорят об одном и том же тождестве. Ответ Фреге состоит в различении двух сторон знака — значения, то есть обозначаемого предмета, и смысла, то есть способа, каким этот предмет дан. Одно и то же значение может быть задано разными смыслами: выражения «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» обозначают один и тот же предмет, но вовсе не одинаковый способ его данности.

От значения и смысла знака Фреге предлагает отличать ещё и связанное с ним представление. Представление принадлежит только одному сознанию и не может быть представлением другого человека — оно субъективно. Смысл же, напротив, может быть общим достоянием многих людей и потому не есть часть или модус отдельной души: именно благодаря этому человечество способно передавать драгоценный фонд мыслей от одного поколения к другому. Эта установка доводится Фреге до прямого антипсихологизма: то, что выражает предложение и что мы признаём истинным или ложным, не есть предмет психологии и не состоит из представлений — оно тождественно себе для всех, кто его постигает, в отличие от индивидуальных переживаний каждого отдельного человека. Истинность мысли не зависит от того, признают её или нет, — этим область логики отделяется от психологических причин суждения. Именно эта установка — искать в языке не факт узуса, а условия объективности мысли и знания — и составляет специфику философского, в отличие от лингвистического, подхода к языку у Фреге.

■ Витгенштейн: границы языка и границы мира

«Логико-философский трактат» Людвиг Витгенштейна даёт предельный случай философского подхода к языку: язык рассматривается не как совокупность конкретных грамматических форм, а как условие, по объёму совпадающее с миром и мыслью вообще. Сам мир задан здесь логически, а не эмпирически: мир — это факты в логическом пространстве. Предложение при этом трактуется не просто как описание действительности, а как её изображение, картина, модель того положения дел, которое мы себе представляем. Специфически философской, а не грамматической задачей оказывается вскрытие логической формы, скрытой за видимой грамматической формой предложения: видимая логическая форма предложения не обязательно совпадает с его действительной логической формой. Именно это различие видимой и действительной формы отделяет философский анализ языка от описания его поверхностной грамматики. Отсюда и знаменитый тезис о границах: границы моего языка означают границы моего мира, а логика заполняет мир — границы мира суть и её границы.

Поздние «Философские исследования» дают противоположный, зрелый ответ на тот же вопрос о специфике языка. На место логической формы предложения встаёт понятие употребления, а на место единого языка — множество несводимых друг к другу практик, причём исторически не завершённое: эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, — напротив, возникают новые типы языка, новые языковые игры, а другие устаревают и забываются. Определение значения как употребления формулируется здесь прямо: значение слова — это его употребление в языке. Источник же специфически философских, а не собственно языковых затруднений поздний Витгенштейн видит в отрыве слова от практики: философские проблемы возникают тогда, когда язык пребывает в праздности.

■ Рассел: имя как скрытая дескрипция

Бертран Рассел подходит к специфике философского взгляда на язык не со стороны логической формы предложения, а со стороны теории познания: за каждым языковым выражением стоит определённый тип знания о его предмете, и философский анализ языка обязан различать эти типы. Базовое различие здесь — знание-знакомство и знание по описанию: знакомство даёт непосредственное, не требующее умозаключений познание вещи, в отличие от познания истин о ней, получаемого через описание. Знание о физическом предмете, в отличие от знания о непосредственно данных чувственных данных, всегда есть знание по описанию. Философская, а не грамматическая специфика языка обнаруживается у Рассела в статусе имён и общих слов: по его мысли, общие слова и даже имена собственные при ближайшем анализе обычно на самом деле оказываются скрытыми дескрипциями — фразами вида «то-то и то-то» с определённым или неопределённым артиклем. Мысль говорящего, использующего имя, можно точно выразить лишь тогда, когда собственное имя заменяется описанием. Итоговый методологический принцип анализа языка формулируется как условие понятности любого предложения: каждое предложение, которое мы можем понять, должно целиком состоять из частей, нам непосредственно знакомых. Здесь специфика философского подхода к языку состоит в требовании свести любое осмысленное высказывание к тому, что говорящему действительно знакомо, а не просто грамматически произносимо.

■ Итоги и значение

Все разобранные примеры — античный спор об именах, гумбольдтовская оппозиция продукта и деятельности, соссюрсовское размежевание языка и речи, фрегеовское различие смысла и значения, витгенштейновский анализ логической и языковой формы, расселовская теория дескрипций — демонстрируют одну и ту же родовую черту философского подхода к языку. Во всех случаях интерес направлен не на правила устройства конкретного языка, а на природу связи между словом, вещью, мыслью и говорящим: что делает имя правильным, что делает язык деятельностью, а не готовой вещью, что делает предложение осмысленным и истинным, что стоит за грамматической формой выражения. Эта специфика сохраняется на всём протяжении истории мысли о языке, меняя лишь конкретный понятийный аппарат — от античной антиномии имени по природе и имени по установлению до логико-семантического различения смысла и значения в XX веке, — и именно она отличает философию языка от собственно лингвистического описания его правил.

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «История и философия науки: кандидатский экзамен» — 63 вопроса перечня: 21 по общим проблемам философии науки, 21 по философским проблемам социогуманитарного знания и 21 по разделу «Философия языка и история лингвистики» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.